

Сокуров Александр

9.11.1995

Общая газ. - 1995 -
9 нояб. - с. 13.

СОБЫТИЕ

Война. Граница. Духовные голоса

ХОТЯ это далеко не первый опыт знакомства с его картинами, но одно дело — смотреть фильм, помня, что это кино, и совсем другое — знать, что мастер пришел именно на ТВ и рассчитывает на совершенно определенный характер восприятия.

Это не преувеличение. Каждую свою ленту Сокуров предлагает не столько смотреть, сколько впитывать, задавая при этом довольно жесткие рамки восприятию и не допуская чересчур произвольных толкований. Это вызывает понятное раздражение у сторонников постмодернизма без берегов, но отчасти расходитя и с многочисленными потребителями домашнего ТВ, — те, впрочем, наверное, уходят спать еще до начала показа.

«Круг второй» и особенно «Тихие страницы» много потеряли на малом экране. Но дело не только в изображении. У Сокурова есть вещи, обращенные исключительно к отдельному человеку, но сей человек не прочь был бы сбиться в какую-нибудь общность от невыносимого зрелища «простой смерти» по-советски («Круг второй»), или явления призрачного мира героев Достоевского («Тихие страницы»). Чай под это кино как-то не пьется. А в зале эффект сопереживания — несмотря ни на что — возникает. В «Духовных голосах» специальная настройка уже не требуется — автор о ней позаботился сам.

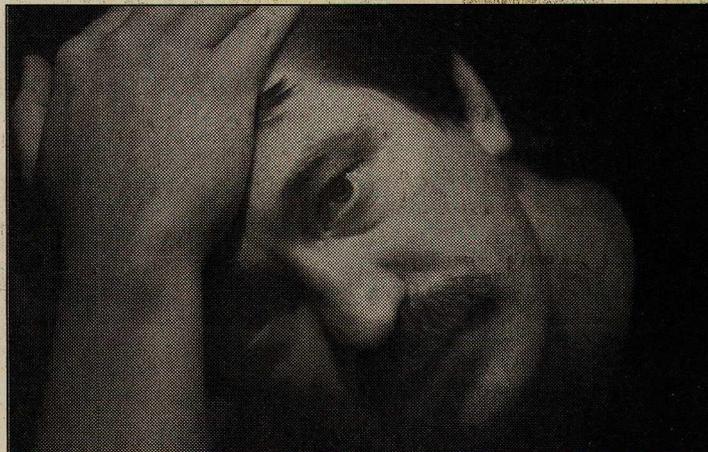
Сначала — о том, как Сокуров подводит зрителей к теме. В первом фильме, словно искушая терпение зрителя, он держит в кадре зимний пейзаж. За кадром — музыка Моцарта, потом Бетховена и какие-то возвышенные слова в их адрес. Будто мы на концерте. На экране почти ничего не происходит — то освещение меркнет, то рассеянный свет чуть согреет, то в углу кадра появится стая птиц, то на втором плане одинокий лыжник пересечет заснеженное поле. Это еще привычный сокуровский максимализм созерцания. Можно выключить телевизор. Но если вы расположены смотреть и слушать, то дальше автор откроется вам предельно. Записи из дневника войны — а именно таков жанр фильма — будут признаниями, или, если угодно, — информацией к размышлению.

Показав документальную ленту «Духовные голоса», — пять фильмов за несколько вечеров и с большими промежутками, — ОРТ завершило своего рода мини-ретроспективу картин Александра Сокурова, сделанных в последние годы (в нее вошли также «Круг второй» и «Тихие страницы», показанные по каналу НТВ).

По начальным кадрам второго фильма становится понятно, сколь полемичен этот дневник. Автор прекрасно понимает, что еще до нынешних войн кинематограф и телевидение уже растиражировали немислимое количество войн-игрушек, войн-зрелищ, войн-наркотики, войн-страшилок и что все они забывают ту единственную, о которой он хотел бы рассказать.

«Дни затмения» и «Жертву вечернюю», очень хорошо знает, что такое непрерывное состояние войны, война как образ жизни, стиль непрерывно воспроизводимых отношений между людьми. Поэтому он рассказывает не столько о границе, сколько о том, что происходит, когда ты здесь — на выжженной земле, возле реки и рядом с горами, среди делающих свое

Михаил ЛЕМХИН

Слишком падох оказался современный зритель на информационные муляжи, подкрепляемые новостями из «горячих точек» и — через паузу — перечнями ежедневных потерь. Сводка уже неотличима от прогноза погоды.

Но сегодня уже очевидно, что и превращение войны в чистую абстракцию, развернутую метафору ужаса и насилия, где правит страх и ненависть к тем, кто послал воевать, чревато обманом.

Поэтому нельзя сказать, что сокуровский фильм — репортаж. Пусть сколь угодно правдивый. Там нет информации о том, что делается на Одиннадцатой заставе Московского погранотряда на таджикско-афганской границе. Но режиссер, снявший «Одинокий голос человека», «Скорбное бесчувст-

дело солдат, отделяемый от них незримой чертой.

Во втором фильме режиссер с маленькой съемочной группой приезжает вместе с пополнением на заставу. Ташится джип, может произойти все, что угодно. Доехали благополучно. Ветер, облака, солнце.

Далее — стадия медленного вхождения в ритм жизни заставы. Но привыкания, обживания не происходит. Начинается ожидание тревоги. Событие — выход на тропу, возвращение домой. И демобилизация — погрузка вещей, прощание с теми, кто уезжает в Россию. Важнее бесконечный процесс вглядывания камеры в то, что вокруг, — а за кадром предельно насыщенная фонограмма, будто глаза видят пейзаж смерти, а ухо слышит жизнь, и удостоверяет истинность переживания.

Четвертый фильм — нападение на заставу. Тревога ведет к действиям вполне конкретным — заминировать все вокруг. Потом стрельба. Автор не покажет «войну», — но заметит, что это ужасно, только грязь, кровь — «и никакой эстетики». Зато камера долго будет возвращаться к лицам отдыхающих от смертельно-напряжения солдат и покажет единственного раненого. Напльв — и человек на носилках, высветлившись, растворится в ровном освещении кадра. И потом, уже в последней части, еще несколько раз повторится это слияние лежащего или спящего человека — и окружающего мира, какое-то запредельное умиротворение.

Наконец, зима. Новый год. Навестили часовых. Поели, выпили. Все это очень долго — уже почти в ритме времени внутри кадра. Какие-то реплики, смех. Камера долго всматривается в лица (в титрах перечислены военнослужащие, снявшиеся в картине). Солдат спит. И вдруг сквозь сон — обрывки разговора Раскольникова и Сони из «Тихих страниц». Голос автора: «Тишина. И никого нет». Финал.

Я прекрасно понимаю, что никто не обязан проделывать вместе с режиссером этот путь — можно просто смотреть, страдая от статичности «картинки». Но для меня эта поразительная по глубине лента — уже и мой опыт.

...Когда-то, в пору довольно наглой попытки вписать Сокурова в перестроечные, обновленные святы, критики, свободные от ангажированности, но оскорбленные нарушением приличий, заговорили о мессианских претензиях режиссера, подрывающих либеральный канон. Особенно, помнится, полюбили цитировать фразу о том, что миссия автора — «приготовить людей к смерти». Тоже, священник выискался.

Но Сокуров, похоже, уточнил, о чем речь. Ибо с очень многими людьми в их пороговый час нет никого, кто может просто свидетельствовать о подлинности той жизни, которая готова оборваться в любую секунду. Жизни на грани войны и жизни внутри нее — идущей сегодня и ежедневно.

Андрей ШЕМЯКИН